

ZÁPADOČESKÁ UNIVERZITA V PLZNI

FAKULTA FILOZOFICKÁ

KATEDRA GERMANISTIKY A SLAVISTIKY

BAKALÁŘSKÁ PRÁCE

Этимология выбранных русско-чешских межъязыковых омонимов

Etymologie vybraných rusko-českých mezijazykových homonym

Elizaveta Danilenko

Vedoucí práce: specialista in philologie Anastasiia Iljinična Franta, Ph.D.

Plzeň 2022

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, s použitím odborné literatury a pramenů uvedených v seznamu, který je součástí této práce.

V Plzni dne 29. 4. 2022

.....
Podpis

Elizaveta Danilenko

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Определение и классификация межъязыковой омонимии.....	7
1.1. Из истории происхождения чешского и русского языков.....	7
1.2. Понятие межъязыковой омонимии в языкознании.....	7
1.2.1. Понятие омонимии и смежных явлений.....	7
1.2.2. Понятие межъязыковой омонимии.....	8
1.3. Классификация межъязыковых омонимов.....	10
1.4. Типы семантических изменений.....	12
1.4.1. Семантическая специализация и генерализация.....	12
1.4.2. Типы переносных значений: метонимия/ синекдоха/ метафора.....	14
1.4.3. Деградация / мелиорация.....	14
1.4.4. Методы систематизации семантических сдвигов	15
1.4.5. Понятие Энантиосемии	16
1.4.6. Причины возникновения энантиосемии.....	17
1.4.7. Классификация энантиосемии.....	18
Глава 2. Этимолого-генетический анализ выбранных лексических пар (практическая часть)	19
2.1. Čerstvý / Черствый	20
2.2. Úžasný / Ужасный	22
2.3. Ovoce / Овощи	24
2.4. Vonět / Вонять	26
2.5. Zapomínat / Запоминать	27
2.6. Jed / Еда	29
2.7. Bezpečný / Бесценный	31
Заключение.....	33
Список литературы.....	34

Введение

Чешский язык относится к западославянской группе языков и в некоторой степени похож на русский, который относится к восточнославянской группе. Поэтому на первый взгляд носителю русского языка чешский язык кажется легким для восприятия и доступным. Однако эта доступность может оказаться обманчивой, поскольку семантика чешских слов причудливым образом преломляется в различных смысловых значениях русских аналогов. Некоторые слова в русском и чешском языках звучат одинаково или очень похоже, но могут обозначать разные вещи и явления и даже иметь прямо противоположное значение. Например: чеш. *čerstvý* [черствы] чеш.– свежий, рус. *черствый* – несвежий; чеш. *úžasný* [ужасны] чеш.– прекрасный, рус. *ужасный* – страшный, уродливый.

Такие слова называют “ложными друзьями переводчика”, поскольку они могут привести несведущего человека к прямо противоположному смыслу высказывания, что может вызвать не только трудности коммуникации, но и даже конфликты. К примеру, если носитель русского языка, полагаясь на родственность языков, попытается “понять” чешское выражение “*Pozor! Policie varuje*”, он будет готов обвинять полицию в воровстве, тогда как на самом деле эта фраза переводится, конечно, иначе: “Внимание! Полиция предупреждает”.

Эти особенности русско-чешских межъязыковых омонимов бросаются в глаза носителям русского языка, вызывая неизменный интерес к этимологии таких слов, то есть к происхождению таких антонимичных значений схожих слов. Потому проблема омонимии, отраженная в родственных славянских языках, является актуальной проблемой современного языкознания. Ученые-лингвисты с XIX века изучают это явление, и в XX и XXI веках интерес к этой теме не ослабевает. Российские и чешские ученые (Й. Влчек, Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев, Л. А. Мичатек, Н. Д. Игнатъева и многие другие) активно изучают это языковое явление в различных аспектах, открывая все новые факторы взаимодействия и взаимовлияния родственных языков. Особенно детально явление русско-чешской омонимии исследовал чешский лингвист Йозеф Влчек в 60-е гг. XX в. Его наблюдения отражены в монографии “*Uskali ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie*” (Vlček 1966, с.232).

В нашей работе мы будем опираться на понятие межъязыковой омонимии, данное Й. Влчком. В ситуации сопоставления двух или более языков под понятием “межъязыковые омонимы” нами будут пониматься слова с разным значением, которые сходны друг с другом в звуковом и графическом планах: например, *позор*

“унизительное положение” и *pozor* “внимание”. Говоря о межъязыковой омонимии, Й. Влчек считает нужным различать межъязыковые омофоны и межъязыковые омографы: *otkaz* “отрицательный ответ на просьбу” – *odkaz* “ссылка” (омофоны), *potrava* “порча, истребление” – *potrava* “питание” (омографы) (Vlček 1966, с. 203).

Методологическая основа исследования

В науке существует множество подходов к изучению явления межъязыковой омонимии. Одни авторы опираются на этимолого-генетический подход, например, В. В. Виноградов и Н. Д. Руденко, другие берут за основу лексико-семантический подход к изучению омонимии, например, А. Н. Гвоздев, Л. А. Мичатек, Н. Д. Игнатьева и др. (Vlček 1966). В нашей работе мы будем придерживаться этимолого-генетического подхода, поскольку считаем, что именно обращение к этимологии межъязыковых омонимов поможет восстановить логику семантического расхождения слов, имеющих общее происхождение.

Основой этимолого-генетического исследования является сравнительно-исторический метод изучения различных единиц языка, который опирается на законы фонетических изменений и морфонологические закономерности [Варбот; онлайн].

В ходе работы мы будем опираться на данные этимологии. Этимология – это раздел языкознания, изучающий происхождение слов. Предмет этимологии как раздела языкознания – изучение источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода (обычно дописьменного).

Актуальность работы определяется острым интересом к межкультурной коммуникации в современном мире. С начала XX века издано множество словарей, отражающих процессы межъязыковой омонимии в родственных славянских языках, например, словарь И. Ржиги (Ржига 1924, с.512), также стоит отметить электронный словарь чешско-русской интерференции “*Cesko-ruske interference*” [online], который был создан при грантовой поддержке философского факультета Карлова университета в 2011 г. Основные задачи этого словаря – отражение явления чешско-русской интерференции, а также помощь русским студентам, изучающим чешский, и чехам, занимающимся русским языком. Исследователи углубляются в историю происхождения слов, прибегая к сравнительно-историческому анализу, пытаются обосновать причину закрепления в языке той или иной номинации. Кроме того, стоит отметить, что это лингвистическое явление становится предметом внимания широкой аудитории, не только ученых, но и любителей. Так, к примеру, в 2015 году

Максим Янбеков, российский дизайнер и иллюстратор, выпускник Московского государственного университета печати, создал и проиллюстрировал “Веселый чешско-русский словарь” [online] в картинках, где наглядно продемонстрировал интересные случаи русско-чешской межъязыковой омонимии. В книге показано шестьдесят пар парадоксальных языковых сближений, приведены пары созвучных, но имеющих совершенно разные значения в чешском и русском языках, слов. Книга вызывает большой интерес у читательской аудитории, что также свидетельствует об **актуальности** заявленной темы.

Цель настоящей работы: осуществление этимолого-генетического анализа русско-чешских межъязыковых омонимов, значение которых антонимично. Результатом анализа станет выявление особенностей семантического расхождения этих слов вплоть до противоположности, изучение специфики закрепления антонимичных значений в разных языках.

Для реализации этой цели необходимо решить следующие **задачи:**

- выбрать из корпуса русско-чешских словарей межъязыковые омонимы с противоположными значениями в русском и чешском языках (ручная выборка),
- изучить теоретические основы этимологии, изучить историю происхождения закрепленных значений в выбранных парах слов (с помощью данных этимологических словарей, исторических корпусов и научной литературы),
- сделать вывод о специфике семантических изменений слов общего праславянского фонда в русском и в чешском языках.

Объект исследования – межъязыковые омонимы русского и чешского языков.

Предмет исследования – исторические особенности семантического расхождения значений русско-чешских языковых омонимов.

Материал исследования: корпус лексики словаря русско-чешских омонимов Vlcek J. Uskali ruske slovní zásoby. Slovník rusko-česke homonymie a paronymie (Praha 1966). В частности, для этимологического анализа нами выбраны следующие пары межъязыковых омонимов с антонимичными значениями.

Čerstvý [черствы] / Свежий

Ovoce [овоце] / Фрукты

Úžasný [ужасны] / Прекрасный

Vonět [воньет] / Вкусно пахнуть

Zapomínat [запоминает] / Запоминать

Jed [ед] / Еда

bezscenný (ничего не стоящий) – бесценный (драгоценный)

Результаты нашего исследования позволят расширить представление об этимологии чешских и русских номинаций и о специфике семантических изменений в диахронном аспекте.

Глава 1 Определение и классификация межъязыковой омонимии

1.1. Из истории происхождения чешского и русского языков

Чешский и русский языки исконно родственные, так как относятся к славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Славянские языки, в свою очередь, делятся на 3 группы: восточнославянскую (к ней относится русский язык), южнославянскую и западнославянскую (к ней относится чешский язык).

Славянские языки отличаются большой степенью близости друг к другу, которая обнаруживается в структуре слова, употреблении грамматических категорий, структуре предложения, семантике, системе регулярных звуковых соответствий, морфонологических чередованиях. Эта близость объясняется единством происхождения славянских языков и их длительными и интенсивными контактами между собой на уровне литературных языков и диалектов.

Русский язык относится к восточнославянской подгруппе славянских языков. Современный русский литературный язык сформировался на основе древнерусских диалектов под большим влиянием церковнославянского. Огромный вклад в становление русского литературного языка внесли славянские первоучители Кирилл и Мефодий (церковнославянский язык), а также языковеды позднейшего времени, например, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. И. Даль и др.

Чешский язык относится к западнославянской подгруппе славянских языков, который выделился как самостоятельный язык в IX—X веках н. э. Первые письменные источники, содержащие некоторые чешские слова (остальная часть была написана на латинском), относятся к XI веку. А тексты, в которых встречаются целые предложения на чешском, появились в XII веке. Во времена средних веков язык совершенствовался и достиг уровня достаточно богатого и содержательного языка многожанровой литературы. Свой вклад в развитие чешского языка внесли известные церковные деятели, писатели, историки и богемисты (Ян Гус, Ян Амос Коменский, Карл Яромир Эрбен, Франтишек Палацкий, Й. Добровский и др.).

1.2. Понятие межъязыковой омонимии в языкознании

1.2.1. Понятие омонимии и смежных явлений.

Д. Э. Розенталь определяет явление омонимии как “звуковое совпадение двух или нескольких звуковых единиц, различных по значению”, а омонимы как “слова, имеющие одинаковое звучание, но различное значение” (Розенталь 1976, с.242). Однако, в современном языкознании до сих пор нет единого общепринятого определения омонимии. В научной и лингвистической литературе сущность омонимии понимается неоднозначно. Основной работой по этому вопросу является статья В. В. Виноградова “Об омонимии и смежных с ней явлениях”, вышедшая в журнале “Вопросы языкознания” в 1968 г. В этой статье В. В. Виноградов дает определение омонимии, а также выделяет три вида подобных явлений: омофоны, омографы и омоформы.

Д. Э. Розенталь и В. В. Виноградов придерживаются мнения, что омоформы, омографы и омофоны – это смежные с омонимией явления, так как они относятся к грамматическим, фонетическим и графическим уровням языка.

- омофоны (чеш. homofona) – слова и словосочетания, имеющие одинаковое произношение, но различное написание (ср. рус. *глаз* – *глас*; чеш. *výška* – *vyžka*);
- омографы (чеш. homografa) – слова, имеющие одинаковое написание, но разное произношение (ср. русск. *замóк* и *záмок*);
- омоформы – разные формы одного слова или формы разных слов, имеющие совпадение звучания и написания (ср. рус. *дорогой* – им. п. прилагательного мужского рода и *дорогой* – род., дат., предл. падежи прилагательного женского рода).

Чешские лингвисты рассматривают омографы и омофоны как относительные омонимы (чеш. *nepravá homonyma*). В чешской лексикологии омоформы как составляющая относительных (*nepravých*) омонимов не рассматривается (Karlík et al. 2002). Ф. Чермак и М. Чехова омографию и омофонию не рассматривают как относительную (*nepravou*) омонимию, а лишь упоминают о существовании подобных типов омонимии (Šechová et al. 2010), (Šermak 2004).

Большинство омонимов в рамках одного естественного языка развилось в результате полисемии. Изменения в значении слов определяются множеством различных причин как языкового, так и экстралингвистического характера.

1.2.2. Понятие межъязыковой омонимии

Понятие межъязыковой омонимии зарождается в науке еще с XVIII века. В 1788 году в Зальцбурге вышел лексикографический очерк А. Портитора, где были исследованы межъязыковые лексические соответствия омонимичного характера во

французском и немецком языках. Далее эта проблема исследовалась в XIX веке такими европейскими учеными, как Ш. Биго (1845), Л. Гранжье (1864), Г. Дюбре (1894) и другими. По-настоящему системное и широкое изучение подобных межъязыковых соответствий началось с 1928 года, с работы М. Кесслера и Ж. Дерокиной на материале французско-английских параллелей (Лобковская 2012, с.84). “Межъязыковыми омонимами” принято считать слова, принадлежащие разным языкам, сходные до степени отождествления по звуковой или графической форме, но имеющие разные значения. Термин “межъязыковая омонимия” многие ученые часто заменяют другим синонимичным термином “ложные друзья переводчика”. Данный термин был введен в 1928 г. М. Кесслером и Ж. Дерокиной в работе “Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais” (Лобковская 2012, с.84).

В славянских языках в силу их общего происхождения имеется большое количество лексем, частично или полностью тождественных по своей форме (графической или звуковой), но расходящихся в неодинаковой степени по лексическому значению. По мнению лингвиста Ф. Копечного, в современных славянских языках насчитывается около двух тысяч слов древнеславянского происхождения, которые полностью или частично идентичны как в плане выражения, так и в плане содержания (Кореёну 1981, с.284). Потому в современной лингвистике особое внимание уделяется изучению явления межъязыковой омонимии.

Межъязыковыми омонимами принято называть слова разных языков, сходные по степени отождествления по звуковой или графической форме, но имеющие разные значения (Vlček 1966). Особые разновидности межъязыковых омонимичных пар впервые выделил А. Е. Супрун в 1958 г.: полные и частичные (межъязыковые омонимы, по его мнению, могут сохранять общее основное значение при различных оттенках в сопоставляемых словах). Согласно исследователю, различие может касаться только эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической окраски слов (Супрун 1958, с. 35).

Рассмотрим еще ряд терминов, которые используются в лингвистике для обозначения слов, сходных по звучанию и форме, но различных по значению, а именно “ложные друзья переводчика”, псевдоинтернационализмы и межъязыковые омонимы. Принято считать, что понятие “ложных друзей переводчика” значительно шире, чем “межъязыковые омонимы” и “межъязыковые паронимы”. Оно включает все лексические единицы, которые могут вызвать неправильные ассоциации – межъязыковые омонимы – одинаковые по звучанию, но различные по значению

(рус. *позор* – чеш. *rozor*), межъязыковые паронимы – слова с похожим звучанием, но различные по значению (рус. *рисовать* “kreslyt” — чеш. *rysovat* “чертить”), этимологические дублиеты – восходящие этимологически к одному понятию, претерпевшие, впоследствии фонетическую и семантическую дифференциацию в рамках одного языка (проектор / прожектор, регистр / реестр) (Акуленко 1969, с. 384). Некоторые авторы употребляют термины “ложные друзья переводчика” и “межъязыковые омонимы” как синонимы, не разграничивая содержание понятий. В. В. Дубичинский, напротив, полагает, что эти термины нужно объединить, чтобы сформировалась четкая понятийная база. Он считает, что термины “межъязыковая лексическая омонимия”, “ложные друзья переводчика”, “межъязыковая паронимия” логично объединить одним понятием “лексические параллели” (Дубичинский 1993, с. 62).

Ряд лингвистов считает такое сужение круга “ложных друзей переводчика” искусственным, поскольку оно не снимает задачу выявления всех видов лексических единиц, которые могут вызвать неверные ассоциации при изучении иностранного языка, а именно: межъязыковых омонимов, межъязыковых паронимов, межъязыковых квазисинонимов (Акуленко 1969, с.384). Особенностью омонимии близкородственных языков является отсутствие, за исключением единичных случаев, полного звукового соответствия (причина различия в произношении, ударении, качестве многих звуков), но при этом довольно часты примеры омографии. В связи с этим нередко бывает сложно провести четкую границу между межъязыковыми паронимами и омонимами, многие примеры могут занимать промежуточное положение. Чешский лингвист Й. Влчек, в свою очередь, говорит о том, что межъязыковая омонимия может включать целую грамматическую парадигму лексемы, так и ее отдельные формы, главным образом, ее неопределенную форму (Vlček 1966, с. 206). Влчек отмечает, что само определение “чешско-русская омонимия” вызывает некоторые сомнения, так как омонимы представляют собой в лексическом плане слова определенного языка, не связанные по смыслу друг с другом, а совпавшие по своему звучанию лишь в процессе развития языка. В случае же родственных языков часто речь идет о словах общего происхождения и значения, отдалившихся друг от друга только в процессе развития отдельных славянских языков (Vlček 1966, с. 207).

1.3. Классификация межъязыковых омонимов

Во вступительной статье к “Словарю русско-чешских омонимов и паронимов” Йозеф Влчек предлагает классификацию лексики русского и чешского языков, выделяя 5 групп (Vlček, 1966, с. 205-206):

1) Лексические единицы, отличные в звуковом плане и не имеющие эквивалентов в другом языке (*пельмени, шашлык, борщи, knedlík, špekáček*);

2) Лексические единицы, отличные в звуковом плане, но близкие по значению (*каникулы – prázdniny*);

3) Лексические единицы одинаковые или сходные как в звуковом плане, так и в плане содержания: *школа – škola*;

4) Лексические единицы одинаковые или подобные как в звуковом плане, так и в плане содержания, но отличные в функционально-стилистическом плане: рус. *уста* – рот (рус. книжн., архаичное), чеш. *ústa* – рот (общеупотребит.) (Vlček, 1966, с. 217).

5) Лексические единицы, схожие по своей звуковой структуре, но отличающиеся по значению: *запоминать – zapomínat* “забывать”.

Пятая группа слов, отражающая явление русско-чешской омонимии, и становится основным предметом исследования Й. Влчека. В нашей работе мы также будем рассматривать эту группу слов. Словарь включает обширный корпус лексических единиц: лексику повседневной коммуникации и современного литературного языка, также устаревшие лексемы, историзмы, экспрессивную лексику.

Далее, классифицируя пятую группу, Й. Влчек выделяет следующие группы чешско-русских омонимов:

1) Лексическая омонимия: сближение на уровне звучания, расхождение на уровне семантики. Примеры: *запах* “то, что воспринимается обонянием” – *zápach* “вонь”, “дурной запах”, *позор* “постыдное, унижительное положение” – *rozor* “внимание”, *дуга* “часть кривой линии, заключенная между двумя ее точками” – *duha* “радуга”, *запирать* “делать недоступным” – *zapírat* “отрицать”, *пивовар* “человек, который варит пиво” – *přivovar* “пивоварня”.

2) Омонимия в области частей речи (морфологическая): сближение на уровне звучания, расхождение на уровне морфологии (частеречной принадлежности). Примеры: *рано* (наречие) “до срока, до назначенного времени” – *ráno* (существительное) “утро”.

3) Грамматическая омонимия: сближение на уровне звучания, расхождение на уровне грамматической формы. Примеры: *постой* (повелительное наклонение

глагола постоять) – *postoj* (существительное в ед. ч. им. / вин. пад.) “отношение, позиция”.

4) Русско-чешская омофония: *дело* “работа, занятие” – *dělo* “пушка”, *отказ* “отрицательный ответ на просьбу” – *odkaz* “ссылка”.

5) Русско-чешская омография: *родина* “место рождения человека” – *rodina* “семья”, *обнова* “новая, недавно приобретенная вещь” – *obnova* “восстановление”, *потрава* “порча, истребление животными травы, посевов” – *potrava* “питание, еда”, *мех* “волосяной покров млекопитающих” – *mech* “мох” (Vlček 1966, с. 205-206).

Чешско-русские омонимы, по подсчетам Й. Влчека, составляют около 10% словарного запаса обоих языков. Большая часть из них относится к обиходной лексике, обеспечивающей все сферы деятельности человека. Это связано с тем, что такие омонимы восходят к наиболее древним пластам лексики, относящимся к общему праславянскому наследию, и, строго говоря, по своей сути не представляют омонимы с диахронной точки зрения, являясь одними и теми же словами праславянского лексического фонда, но претерпевшими семантические (и часто фонетические) изменения в ходе исторического развития отдельных языков (как уже было отмечено в (Vlček 1966, с. 207)). Однако, учитывая закрепленность термина “межъязыковые омонимы” в лингвистике и принимая во внимание возможность смотреть на явление в синхронной перспективе (не каждый носитель русского или чешского языка в полной мере осознает родство тех или иных слов и знает их происхождение), будем использовать его в этой работе. Далее, обратившись к этимолого-генетическому анализу омонимов, мы попытаемся выяснить путь семантического расхождения.

1.4. Типы семантических изменений

Различные типы семантических сдвигов и изменений являются предметом специального изучения в области лингвистики. Так в монографии чешских лингвистов под редакцией Р. Вечерки *Uvedení do etymologie* (Večerka a koll. 2006) собраны и систематизированы основные типы семантических изменений, описаны основные подходы к изучению явления энантиосемии. В нашей работе мы также рассмотрим основные типы трансформации семантики слов с опорой на монографию Р. Вечерки, и далее будем опираться на приведенную классификацию и методы анализа.

1.4.1. Семантическая специализация и генерализация

Наиболее частотными типами семантических расхождений Р. Вечерка и коллектив называют сужение и расширение исходного значения: *семантическая специализация и семантическая генерализация*.

Сужение значения (семантическая специализация) заключается в том, что слова с изначально более общим значением становятся более конкретными, более специализированными, приобретают дополнительные семантические признаки, так что их содержание увеличивается, но их объем уменьшается. Расширение значения (семантическая генерализация) основано на потере семантических признаков, так что содержание слов уменьшается, но их объем увеличивается. Например, слово *žito* “рожь”, которое в старославянском языке означало зерно (*obilí*) вообще и местами обозначало пшеницу (*pšenice*), а на восточнославянском *ječmen* (ячмень), очевидно, специализировало свое значение от более древней документированной стадии большей общности в разных частях славянской территории в разных направлениях. Его первоначальное значение было еще более широким и общим, поскольку слово образовано от основы *žī-*, которая также содержится в *žít* (жить), и его первоначальное значение, таким образом, было “материал для питания”, “пропитание”. Аналогично слово *pivo* (пиво), которое имеет тот же корень, что и глагол *pít* (пить), первоначально означало “напиток”, как и в более поздний период, например, в старословацком, старочешском и старорусском языках (а также в диалектах некоторых славянских языков, например, русского), сегодня обозначает только определенный вид напитка. Таким образом, можно говорить о сужении значения. Также *jed* (яд) – это уже не любая “пища, еда”, а пища отравленная, *jedovatá* (ядовитая) (Večerka a koll. 2006, с. 165).

Расширение значения можно наблюдать, например, в таком случае: слово *zápasit* (бороться) обозначает сегодня различные способы борьбы, не только тот, в котором противники буквально держат друг друга *za pasy* (за талию); можно *zaštitit se* (защищаться) не только *štitem* (щитом), слово *kůže* (шкура) ныне означает не только *kozy* (козью) шкуру, но и кожу всех позвоночных животных, хотя это притяжательное прилагательное от *koza* (т. е. праслав. *koz-j-a > koža). Чешское значение слова *léto* (лето) – первоначально означавшее “теплое время года”, имеет теперь – как и в других славянских языках – вторичное значение “год”, расширяющее первичное значение. Слово *zloděj* (вор), первоначально означало “тот, кто делает зло”. Позднее значение было сужено до “того, кто крадет”. Слово, которое в чешском языке имеет форму *neděle* (воскресенье), первоначально означало название воскресного дня недели (т. е. дня, когда человек не работал и ничего не

делал). Славяне стали использовать это название после принятия христианства, калькируя греческое слово *apraktē*, точнее *apraktē hēmera*, что означает “нерабочий день”. Начиная со старославянского языка, когда это слово было засвидетельствовано, оно распространилось как христианский термин на все славянские языки. В большинстве из них слово обозначает, в соответствии со своим первоначальным значением, “седьмой день недели”, но в то же время это значение было расширено (семантическая генерализация) до периода между двумя воскресеньями, т. е. “неделя”. В русском языке это обобщенное, расширенное значение полностью вытеснило первоначальный смысл, и сегодня в русском языке есть другое слово для обозначения последнего дня недели – воскресенье (*Večerka a koll.* 2006, с. 165).

1.4.2. Типы переносных значений: метонимия, синекдоха, метафора

Еще одним видом семантических сдвигов являются различные типы переноса значения, как, например, метонимия, основанная на фактических контекстах места, времени, способа, причинности, содержания и т.д., или синекдоха, в которой часть и целое смешиваются, или метафора, которая осуществляется как перенос значения по внешнему сходству. Как правило, семантические отношения одного слова хорошо видны даже в современном языке.

Толковые словари чешского языка предлагают целый ряд различных значений для большинства слов, их полисемия является результатом различных типов передачи значений. Например, *koruna* (монета) – метонимически созданное значение, в основе которого лежит *koruna* (корона) в значении “круглое украшение головы как обозначение статуса правителя” на лицевой стороне монеты, а *koruna* в значении “ветвистая часть дерева” – метафора, основанная на сходстве формы обозначаемых реалий (*Večerka a koll.* 2006, с. 166).

1.4.3. Деграция / мелиорация

Другим видом семантических сдвигов являются смысловые преобразования, возникающие в результате изменения оценки – ухудшение значения (деградация) или улучшение значения (мелиорация); с ними связаны явления энантиосемии в целом, т. е. процессы, ведущие к противоположному значению (антонимии, оппозиции). Например, если значение чешского слова *řáchnout* “вонять” значительно отличается от русского слова *пахнуть*, имеющего нейтральное значение “издавать запах”, “быть обоняемым” и которое также может употребляться в значении “vonět” (пахнуть), не может помешать этимологу признать генетическое

тождество семантики двух сравниваемых слов. Вывод о первоначальной семантической идентичности этимолог сделает, основываясь на знании того, что в языках существуют процессы деградации и мелиорации значений, и в случае с чеш. *voněť* и рус. *вонять*, хотя русское слово означает сегодня значение, противоположное чешскому, а именно “издавать неприятный запах”. Действительно, о неустойчивом положении слов на аксиологической оси свидетельствует в данном случае чеш. слово *zavánět*, которое означает “вонять”, находится на противоположном полюсе относительно чешского же слова *voněť*, хотя образовано от одной и той же основы слова. Различные сдвиги значения по семантической оси, традиционно называемые семантической деградацией или мелиорацией, на самом деле являются лишь особыми видами семантической специализации и генерализации (Večerka a koll. 2006, с. 167).

1.4.4. Методы систематизации семантических сдвигов

Необходимость реконструировать не только исходную формулировку, но и исходное значение слов, прийти к генетико-семантической идентификации сопоставляемых лексических единиц, побудила лингвистов к стремлению не останавливаться на одних лишь возможностях семантических изменений, а прийти к некоторым нормам и правилам семантических сдвигов. Однако предпринятая еще до Первой мировой войны попытка П. Перссона построить таблицу более или менее регулярных семантических переносов была признана в науке недостаточно полной и достоверной, поскольку она фиксировала дополнительно (и эмпирически) только те процессы, которые использовал сам автор при интерпретации относительно ограниченного сегмента индоевропейской лексики. Наиболее распространенная методика работы этимологии в области семантики до сих пор основывается на принципе сравнения: существование определенного семантического отношения, продемонстрированного в каком-то языке или языках, служит вспомогательным аргументом для признания такого же исходного семантического отношения между лексическими единицами, этимологическая интерпретация которых еще не известна (Večerka a koll. 2006, с. 171).

В качестве **метода семантических параллелей** или изосемантических рядов, который развивали такие ученые как Л.А. Булаховский, Й. Шрёпфер, Ш. Ондруш, Е. Гавлова, помогает устранить семантические различия, которые иначе трудно было бы преодолеть. Например, показателен изосемантический ряд, отраженный в этимологии чеш. и общеславянского слова *skot* “скот”. Это слово, возможно, заимствовано из немецкого (*Schatz* “сокровище”) и имеет эквиваленты в др.-в.-нем.

scaz “деньги, гроши, имущество”, гот. *skatts* “грош”, др.-сканд. *skattr* “сокровище”, др.-сакс. *skatt* “грош, имущество”. Значение “скот” засвидетельствовано на германской территории только в ст.-фриг. *sket* наряду со значением “деньги”. Семантическая связь “скот – деньги” имеет несомненные параллели в лат. языке *pecus – pecūnia* “скот – деньги, имущество”, в английском языке *fee* “вознаграждение, плата” – др.-англ. *feoh* “скот”, а также турецкое слово *tavar* имеющее два значения “имущество” и “скот”, перешло в болгарский язык, сохранив оба значения. Очевидно, эти семантические связи являются языковым отражением тех древних производственных и социальных условий, в которых скот был не только основным имуществом, но и средством платежа (Večerka a koll. 2006, с. 171).

Метод транспозиции и метод семантических параллелей, как мы их видели и представляли до сих пор, являются рабочими процедурами, применяемыми частично, ситуативно к толкованию отдельных, часто изолированных слов. Однако в лингвистике XX века также наметилась тенденция к разработке методов более макроскопического, комплексного исследования, которые позволили бы сосредоточить большие группы слов и целые пласты лексического словаря в поле зрения исследователя. Применяя концепцию фактологии, более комплексная концепция лексического толкования уже была разработана движением “Слова и вещи”, которое обратило внимание науки на целый набор слов, относящихся к той или иной части природной или социальной реальности (Večerka a koll. 2006, с. 172)

В современной лексикологии популярна **теория семантических полей**, над которой работали Ж. Трир и Л. Вайсгербер. В ее основе лежит комплекс древней житейской или рабоче-бытовой ситуации. Интерпретация всего семантического поля всегда должна быть ориентирована на набор лексических единиц, организованных как конфигурация одинаковых семантических дифференциальных признаков (Večerka a koll. 2006, с. 173).

Дальнейшим развитием теории семантических полей является **теория лексико-семантической экстрополяции**, которая была выдвинута Е. А. Макаевым, в ее формирование также внесли вклад такие ученые как Ю. Курилович и В. Бланар. С полной уверенностью можно сказать, что сложное понятие семантического поля формирует основу, на которой затем оцениваются семантические параллели и различия (Večerka a koll. 2006, с. 173).

1.4.5. Понятие энантиосемии

Первые зафиксированные примеры подобного типа семантических изменений относятся к античности. Одним из первых примеров энантиосемии ученые считают

знаменитое выражение Цицерона “*tollendum esse Octavium*”, которое имеет неоднозначный смысл из-за двойкой трактовки глагола *tollere*. Глагол *tollere* имел значение “поднимать, возвышать”, а также и “устранять, уничтожать”. Поэтому “известную фразу Цицерона, обращенную к будущему императору Октавию, – *tollendum esse Octavium* можно было понять как “Октавия следует возвысить”, но также можно было трактовать и как “Октавия следует устранить”” (Будагов, 2003, с. 74).

В IV веке Аврелий Августин говорит о возможности возникновения новых слов *ad contrario* (к противоположному), приводя в качестве примера слово *bellum* (война), мотивированное, по его мнению, тем, что это именно не *res bella* (хорошее дело) (Večerka a koll. 2006, с. 17). Несмотря на то, что такое объяснение происхождения этого слова представляет, скорее, народную этимологию, сам выделенный способ возникновения новых слов “к противоположному” предполагает наличие энантиосемии, основанной на антифразисе (ироническом употреблении слова в противоположном значении).

Термин “энантиосемия” (греч. *enantios* – “противоположный”, *sema* – “знак”) был впервые введен в научный оборот в конце XIX в. российским языковедом В. И. Шерцлем. Под энантиосемией он понимал “явление, где одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения” (Шерцль, 1883, с. 1). Современные ученые продолжают изучение этого явления, так, к примеру, О. С. Ахманова дает следующее определение энантиосемии: “Энантиосемия. 1. (поляризация значений). Способность слова выражать антонимичные значения” (Ахманова, 1996).

Однозначно понятие энантиосемии среди смежных явлений еще не закреплено в науке. Мнения лингвистов и ученых по этому поводу заметно расходятся. Ряд ученых рассматривают явление энантиосемии как расширение понятия полисемии (Скиба 1958, с. 165-168), (Смирнова 1974, с. 211) и др., другие лингвисты относят энантиосемию к понятию омонимии (Новиков 1961); (Прохорова 1976, с. 157-165), третьи приравнивают это явление к антонимии (Покровский 1980, с. 58-60).

1.4.6. Причины возникновения энантиосемии

Одними из первых, кто поднял вопрос об источниках развития энантиосемии, были российский языковед В. И. Шерцль и немецкий лингвист К. Абель. В качестве основной причины возникновения противоположных значений одного слова ученые отмечают неопределенное (нейтральное) содержание древних корней. Настоящая

точка зрения была поддержана и другими учеными. Так, например, Л. А. Булаховский отмечает, что явление энантиосемии имеет место, когда “третье, промежуточное значение” с различными смысловыми оттенками прослеживается в тех или других контекстах (Булаховский 1954, с. 78). Затем из “общего и неопределенного значения слова во вполне определенных контекстах развивались значения противоположные по своему характеру” (Новиков, 1973, с.185). Такие значения уточняли смысл слова, указывали на границы, предел его проявления. Например, от неопределенного значения корня **kon/ken* (праслав.) в русском языке развиваются противоположные по значению слова “начало” и “конец”.

Понятие “нейтрального основного значения” – *vox media* – вводит У. Черутти. Он описал механизм развития противоположных значений слов из нейтрального значения в своей работе (Cerutti 1957, с. 12) и дал следующее определение этого механизма: “Нейтральное основное значение (*vox media*, англ. *middle voice*), которое, как явствует из самого названия, стоит в середине, в некоторых словах выстраивает мост между противоположными значениями” (Cerutti 1957, с. 12).

Неопределенное содержание древних корней предполагает:

А) Сохранение первоначального нейтрального значения (*vox media*) – источник синхронной внутриязыковой энантиосемии. Например, фр. *hote* – “хозяин” и “гость”, лат. *assertor* – “освободитель” и “поработитель”, итал. *ospite* – “хозяин” и “гость”.

Б) Изменение значений при параллельном развитии этимологически родственных слов – источник синхронной межъязыковой энантиосемии. Например, праслав. **vonja* “запах” – в русском языке “неприятный запах, вонь”, но в чеш. *vníť* и польск. *woń* закрепляется значение “приятный запах, аромат”.

В) Развитие нейтрального значения слова (*vox media*) и его распад на два с изменением внешней оболочки слова – источник диахронической внутриязыковой и межъязыковой энантиосемии. Например, праслав. **kon/ken* рус. “начало” и “конец” (Бродский 1998, с. 24).

1.4.7. Классификация энантиосемии

В процессе исследования явления энантиосемии ученые описали несколько категорий проявления этого языкового явления на разных уровнях, потому на данный момент в науке выделяются разные виды энантиосемии (Яцковская 1976, с. 185), (Бродский 1998, с. 196). Мы будем опираться на классификацию М. Ю. Бродского, который выделяет следующие виды энантиосемии:

I Речевая энантиосемия,

II Языковая энантиосемия,

1. Грамматическая энантиосемия,
2. Фразеологическая энантиосемия,,
3. Лексическая энантиосемия,
 - 3.1 Синхронная внутриязыковая энантиосемия,
 - 3.2 Синхронная межъязыковая энантиосемия,
 - 3.3 Диахроническая внутриязыковая энантиосемия,
 - 3.4 Диахроническая межъязыковая энантиосемия.

В нашей работе мы будем исследовать случаи лексической межъязыковой энантиосемии.

Рассмотрим подробнее виды межъязыковой энантиосемии, на которые будем ориентироваться в ходе работы.

Синхронная межъязыковая энантиосемия предполагает наличие противоположных значений у этимологических тождественных слов в двух родственных языках. Такое расхождение значений происходит при параллельном развитии этимологически родственных слов, является результатом различного осмысления на базе одной семы (элемента значения). Например: рус. *черствый* и чеш. *čerstvý* “свежий”.

Диахроническая межъязыковая энантиосемия проявляется в результате заимствования двумя разными языками нейтрального значения слова, которое развивается и оформляется в них в виде двух противоположных значений. Например: лат. *hostis* “враг” и герм. *gast* “гость”, фр. *hote* “хозяин” и “гость” (Бродский 1998, с. 196).

Глава 2

Этимолого-генетический анализ выбранных лексических пар (практическая часть)

В практической части мы рассмотрим особенности энантиосемии в выбранных нами парах русско-чешских омонимов. Обратимся к этимологическим словарям, фиксирующим историю происхождения этих слов, постараемся проследить процессы становления их современных значений, а также пути расхождения семантики от исходных корней в разных языках, используя генетико-семантический метод, а также метод семантических параллелей и теорию семантических полей. В работе мы будем опираться на сведения словаря М. Фасмера

[Фасмер; онлайн], на “Этимологический словарь русского языка” Н. М. Шанского [Шанский; онлайн], “Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд” под редакцией О. Н. Трубачева [Трубачев; онлайн], на этимологический словарь чешского языка Rejzek J. “Český etymologický slovník” (Rejzek 2001), а также на Slovenski etimološki slovar М. Сноя [Сной; онлайн].

Рассмотрим первую пару омонимов: в русском и чешском языках есть слова *черствый* – *čerstvý*, однако значение этих слов в двух языках противоположное. Постараемся проследить принцип расхождения значений, произведя генетико-семантический анализ.

2.1. *Čerstvý* (чеш.) “свежий” / *Черствый* (рус.) “твердый, сухой, несвежий”

Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского дает следующую информацию о происхождении слова: «Чёрствый – общеславянское, скорее всего, суф. производное (суф. -त्व-, ср. мертвый) от той же основы (*čьrt- < kьrt-), что др.-рус. чьрту “черчу”, лит. kertù “рублю, ударяю”. Черствый буквально – “такой, которым можно бить”, затем – “твердый, крепкий, жесткий” (это значение отмечается в древнерусском и других славянских языках) и далее – “черствый”» [Шанский; онлайн].

Словарь М. Фасмера приводит следующие аналоги этого слова в других языках, при этом можно заметить постепенное расхождение значений: черствый – чёрств, черствá, чёрство, диал. чвёрстый, укр. черствій “черствый, сильный, свежий”, др.-рус. чьрствъ “твердый; сухой, черствый; безупречный; ясный; значительный”, болг. чевръст, чвръст “жесткий, крепкий, ловкий, бодрый”, сербохорв. чврѣст, чврѣста “крепкий, жесткий, полный, мясистый”, словен. črstāv, čvrst “крепкий, ядреный, бодрый, свежий”, чеш., слвц. čerstvý “свежий, бодрый”, польск. czerstwy “свежий, бодрый, крепкий, черствый” [Фасмер; онлайн]. В словаре М. Фасмера отмечается, что общая основа древнерусского корня “чьрствъ” наполняется не только прямым смыслом, но уже семантикой переносных значений, то есть кроме “твердый; сухой, черствый”, уже фиксируются значения “чьрствъ” как “безупречный; ясный; значительный” [Фасмер; онлайн]. Далее видим трансформацию значения “крепкий, сильный” в “крепкий, ядреный, бодрый” (см. словен. črstāv¹), потому вероятно, дальнейшее наполнение понятия в сторону противоположного значения происходит на основании трансформации уже переносных значений “сильный, крепкий” как “ядреный, бодрый”.

¹ Здесь М. Фасмер приводит диалектную форму, в литературном словенском это слово čvrst (видим метатезу).

В словаре Й. Рейзека отмечается, что в близкородственных языках у слова *čerstvý* развивается разнообразная семантика, приводящая где-то к противопоставлению смысла. Й. Рейзек отмечает, что однозначной убедительной этимологии этого слова в науке нет, однако традиционно оно ассоциируется с *stī. krtсна-* “полный, завершённый” и латинским *crātis* “сетка, плетение”, немецким *Hürde* “плетённый забор”, то есть корень *kert – “вязать, скручивать”. В словаре приводятся генетические цепочки, которые могут свидетельствовать о становлении значений: *čerstvý* (общеславянское) – “свежий, свежий, освежающий, освежающий” соотносимо с польским *czerstwy* – “живой, подвижный; твердый”. В старочешском языке фиксируется значение “твердый, плотный” (Rejzek 2001).

М. Сной указывает для старославянского слова *čръstvъ* значения “сильный, густой, тяжёлый”, праславянскую форму предлагает реконструировать как *čьrstvъ с развитием значения от “твердый, густой, крепкий” до “крепкий, сильный, молодой, свежий”. Также М. Сной предполагает, что более древнее значение было “густо плетённый”, из чего смогли развиваться и остальные указанные значения. Он приводит праиндоевропейскую основу этого слова в виде *ker(H)t- со значением “вить, плести” и, в первую очередь, “плести, вязать прутьями” и указывает на подобное семантическое развитие, как и в лат. *crāssus* “толстый, грубый, ребристый” при лат. *crātis* “плетёное изделие из ветвей, прутьев”, в котором мы наблюдаем более древнее значение, как и, например, в готском *haurds* “(изначально плетёные) двери” или немецком *Hürde* “преграда” [Сной; онлайн].

Итак, из этих источников мы узнаем, что современные слова *черствый* (рус.) и *čerstvý* (чеш.) восходят к единой праславянской основе *čьrstvъ, изначальное значение которой – “твердый, крепкий, густой”. По мнению М. Н. Шанского, корень *kert означал – “бить, ударять”, однако М. Сной и Й. Рейзек в качестве древнейшего реконструируемого значения предлагают не “бить”, а “плести”. Мнение М. Н. Шанского основано на предположении, что слова *черствый* и *черта* имеют общее происхождение, однако, по более современным данным этимологии, слово *черта* происходит от праиндоевропейской основы *(s)ker-t- со значением “резать, сечь”, то есть *черта* – это то, что врезано, высечено, и именно с этим значением соотносится литовское *kirtà* “удар” [Сной; онлайн]. М. Н. Шанский также приводит литовское производное от этого же корня с тем же значением – *kertù* “рублю, ударяю”, как было указано выше, но делает неточность, связывая его со словом *черствый*. В (Rix 2001) также приводится праиндоевропейский корень *(s)kert- со значением “резать”, в качестве примера приводится именно глагол *čьrtu* (черчу) (Rix 2001, с.559-560), а

корень со значением “плести, связывать” реконструируется как *k^(u)ert- (Rix 2001, с. 356), то есть разница этих корней подтверждается еще одним источником.

Так мы видим, что относительно более древнее значение праосновы сохраняется только в современном русском языке, тогда как в других славянских языках – в чешском, украинском, словенском, хорватском, польском закрепляется семантика “бодрый, свежий”. Это значение является антонимичным современному русскому значению слова *черствый*, которое сохранило исконное праславянское значение “твердый, сухой”. Также разошедшиеся значения породили в каждом языке соответствующую образность, то есть закрепились и в переносных значениях. Например, в русском языке есть выражение “черствый человек” со значением “грубый, бесчувственный”, а в чешском языке есть выражение *čerstvé děvče* “ловкая девушка”, *čerstvý kůň* “быстрый конь”.

Итак, проанализировав этимологическое расхождение значений пары слов, можно сделать вывод, что в данном случае мы наблюдаем семантическое расхождение единой праосновы в разных ветвях славянских языков, когда исконное значение постепенно наполняется новыми смыслами. Это явление синхронной межъязыковой энантиосемии. Возможно, в настоящем случае формирования противоположных значений можно объяснить так, что в различных ветвях славянских языков происходит расхождение трактовки исконного корня *kert, что порождает развитие разнополярных значений.

Рассмотрим следующую пару омонимов:

2.2. *Úžasný* (чеш.) “прекрасный” / *Ужасный* (рус.)

Обратимся к этимологическому словарю М. Фасмера, проследим генезис семантики: «Ужасный [рус.] – основано от “Ужас” – происходит от праслав. *užasъ, от кот. в числе прочего произошли: др.-рус. ужась, ужась “страх, ужас”, ст.-слав. Оужась, церк.-слав. жасити “пугать”, прѣжась “ужас, неистовство”, рус. ужас, ужаснётся, ужасный укр. ужáх, жах “страх, ужас”, ужахнути “напугать”, белор. ужаслівы “страшный”, болг. ұжас, ужáсен, чешск. úžas “изумление, ужас”, žas “ужас”, žasnout “изумиться, прийти в ужас”, словацк. úžas “изумление, ужас”, užasnúť “изумиться”, žasnúť — то же, польск. przežasnąć się “поразиться, ужаснуться”» [Фасмер; онлайн].

Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского дает следующую информацию происхождения значения слова “ужасный”: «Ужасный – производное от “Ужас” Общеславянское. Производное от ужасити – “напугать, утратить”, преф. образования от жасити “пугать, страшить, утратить”, возможно, родственного

гасить (см.), в диалектах обозначающего также “губить, уничтожать”» [Шанский; онлайн].

Рассмотрим происхождение слова, предлагаемое в словаре М. Фасмера: *Ужас* — “пугать”. Слово *ужас*, вероятно, образовалось от церковно-славянского глагола *жасити* (пугать). Первоначально существовала форма *прежасъ* (ужас, неистовство), из которой позже образовалось *ужас*. Родственными являются: укр. *ужах*, чеш. *úžas*. Производные: *ужасать*, *ужасный*. М. Фасмер отмечает, что возможно происхождение слова связано чередованием гласных с **gasiti*, также отмечается возможное сближение с готским *usgaisjan* “пугать”, *usgeisnan* “изумляться, приходить в ужас”. Кроме того, предполагали родство с литовским *išsigąsti*, *išsigąstù* “испугаться” [Фасмер; онлайн].

Чешский этимологический словарь Й. Рейзек фиксирует значение слова *úžasný* как “изумление”, возводя произошедшее от старочешского (Stč) – *žásati*, *žěsiti* “поражать, пугать, изумлять”. Й. Рейзек отмечает, что праславянская основа *(u) *žasъ* – изумленный – не имеет четкого толкования, однако, также отмечает возможное родство с литовским *išsigąsti*, *išsigąstù* “испугаться” (Rejzek 2001, с. 787).

Итак, как показывают все словари, у слов *úžasný* и *ужасный* единое праславянское происхождение, от этой основы произошли: древнерусское *ужасъ*, *ужасть* “страх, ужас”, а также и чешское *úžas* “изумление, ужас”. Дальнейшее расхождение семантики в словарях не фиксируется, однако, в современном состоянии русского и чешского языках оказываются закрепленными противоположные значения. В русском языке *ужасный* означает “вызывающий ужас, страшный, очень плохой” [Ожегов; онлайн]. В чешском языке *úžasný* – изумительный, прекрасный. Таким образом, можно констатировать, что разные ветви славянских языков преобразовали праслову **užasъ* в различных смысловых контекстах, что развело исконно родственные лексемы на противоположные семантические полюса. Однако, постараемся объяснить логику формирования таких расхождений. Общим семантическим ядром этих разошедшихся значений является указание на крайнюю степень “потрясения, изумления” – эти эмоции можно испытать как от приятного события, так и от страшного, пугающего. Любопытно, что в русском языке укореняется семантика страха, ужаса, то есть потрясение связывается с негативными эмоциями, с угнетенным состоянием человека. В чешском же языке закрепляется положительная, жизнеутверждающая семантика. Например: “*Úžasná kniha úžasných ptáků* – Замечательная книга о замечательных птицах” [Glosbe; онлайн]. Позже, переработав эту семантику в культуре, русский

язык обогащается дополнительной, образной трактовкой слова *ужасный* – в переносном смысле оно может означать “крайнюю, превосходную степень” какого-то явления или качества, например: *ужасно красиво*, *ужасно ревнивый*, *ужасно весело* – в значении “очень”.

Итак, в данном случае мы наблюдаем явление диахронической межъязыковой энантиосемии, которое проявляется в результате заимствования двумя разными языками нейтрального значения слова, которое развивается и оформляется в них в виде двух противоположных значений. Происходит семантическая специализация, то есть конкретизация в каждом языке одного из возможных значений исходной основы.

2.3. *Ovoce* (чеш.) “фрукты” / *Овоци* (рус.)

Строго говоря, слова *овоц* и *фрукт* являются когипонимами для гиперонима *плоды*, однако эти слова могут использоваться как контекстуальные антонимы, поэтому эту пару мы также рассмотрим в работе.

Слово *овоц* (древнерусское *овоить* “плод”) вошло в активное употребление в русском языке в конце XIV века. Этим словом обозначались как плоды растений (включая фрукты), так и процесс их роста и созревания [Семенов; онлайн]. Слово *овоц* происходит от того же корня, что и нем. *wachsen* “расти”, лит. *augi* “расту” [Фасмер; онлайн].

Словарь М. Фасмера дает следующую информацию о происхождении слова: *овоц* – *óвоц* (происходит из церковнославянского, на что указывает наличие “щ”), параллельно фиксируется распространение слова в близкородственных языках: в украинском *óвоч*, *овічнік* “торговец фруктами”, в старославянском *овоить*, в болгарском *овóще* в значении “фрукты, плоды”. В это же время в чешском языке фиксируется слово *ovoce* в значении “плоды” [Фасмер; онлайн].

В древнерусском языке плоды любого съедобного растения назывались овощами или овоштами, слова *фрукт* не существовало, оно появляется лишь в 1705 году, это заимствование польского *frukt* из лат. *fructus* [Семенов; онлайн]. Начиная с этого времени и начинается разделение плодов на овощи и фрукты. В родственных языках находим схожие закрепления значений слова *овоц*: в болгарском – *овошка* “фруктовое дерево”, в чешском – *ovoce* “фрукты”, в польском – *owoc* “фрукты” [Семенов, онлайн].

В чешском этимологическом словаре Й. Рейзека также фиксирует старославянскую форму слова *ovošť*, *ovoštije* в значении “*ovoce*, *plody*”, выводя

исходное значение слова *ovošть* как любой плод, то есть “то, что растет” (Rejzek 2001, с.457).

Как показывают источники, слово *ovošть* фиксируется в церковнославянском языке в XIII веке, далее получает распространение во многих родственных славянских языках. Однако сразу в разных языках наблюдается расхождение трактовок. Поскольку исходное значение не содержит в себе семантики дифференциации по типу происхождения плода, есть возможность предположить, что каждый этнос адаптировал значение этого слова, исходя из привычной для региона сельскохозяйственной практики. Съедобные плоды, которые выращивали и привычно использовали в пищу, получили в славянских языках обозначение *ovošть*. Потому, может быть, на более южных территориях (например, в Болгарии), где, благодаря благоприятному климату, исконно произрастали фруктовые деревья, плоды которых использовались в пищу, за словом *ovošть* закрепляется значение “фрукт”, то есть “то, что растет, имеет плод”. Позднее фруктовые деревья стали культивироваться и их плоды оказались привычной основой пропитания. Потому, вероятно, в болгарском языке производное от слова *ovošть* сразу закрепляется как *овошка* “фруктовое дерево”. Также и в ряде других языков, на территориях распространения которых по климатическим условиям возможно созревание плодовых деревьев, закрепляется значение “фрукт”: чешском – *ovoce*, в польском – *owoc*. В более северных же территориях (например, ареал Русского севера) плодовые деревья не имели распространения в силу суровых климатических условий. Потому древнерусское *овоить* стало обозначать те плоды, которые могли произрастать в суровых условиях, то есть в основном корнеплоды (репа, редька, морковь).

Слово *фрукт* появляется в русском языке на три столетия позже, в 17 веке, в период, когда царь Петр I привозит в Россию для культивирования различные сорта фруктовых деревьев. Так, слово *фрукт* закрепляется в русском языке в 17 веке, заимствование происходит из польского языка, где *frukt* < лат. *fructus* “плод” < “польза, удовольствие, доход” [Шанский; онлайн].

Поскольку для северной территории эти растения были непривычными, даже экзотическими, в языке закрепляется четкое разграничение семантики: “овощи – это съедобные плоды и клубни, за исключением фруктов” [Брокгауз, Ефрон; онлайн]. Таким образом в русском языке закрепляется значение слова *фрукт* как сладкого, сочного плода, даже лакомства, приносящего удовольствие, тогда как овощ – это огородный, пресный съедобный плод.

Более того, эти противоположные значения нашли отражение в художественной образности, во фразеологии: слово *фрукт* в русском языке может иметь переносное значение “странный человек”, например, говорят: “Ну ты и фрукт!”, имея в виду неожиданные проявления в поведении человека. А когда говорят: “Ты превратился в овощ”, это значит, что человек потерял интерес к жизни, стал безынициативным и бездейственным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в данном случае расхождения исконных значений тоже является примером диахронной межъязыковой энантиосемии. Этимологические источники фиксируют возможное соотнесение общего нейтрального значения **ovošть* с корнями из разных языков: нем. *wachsen* “расти”, лит. *augu* “расту”. Общая основа **ovošть* со значением “любой плод, то, что растет” наполняется специфической семантикой в русском и чешском языках. Семантические сдвиги в данном случае обусловлены производственными и социальными условиями, в которых формируются лексические значения слов “овощ” и “фрукт”, потому в каждом языке происходит процесс семантической специализации – сужения значения.

2.4. *Vonět* (чеш.) “вкусно пахнуть” / *Вонять* (рус.).

Словарь М. Фасмера дает следующую информацию о происхождении слова: *Вонять* происходит от слова *вонь*. М. Фасмер реконструирует праславянскую форму как **onja* со значением “запах, благовоние”. Это слово распространяется в славянских языках: в древнерусском языке – *воняти* “пахнуть”, в церковнославянском – *воняти* “пахнуть”, в сербохорватском – *воняти* “вонять”, словенском *vonjati*, в чешском – *voněti* “пахнуть, благоухать” [Фасмер; онлайн].

Чешский этимологический словарь Й. Рейзека также фиксирует происхождение *voněti* – от *vině* “благоухание, аромат, запах”, восходящее к праславянской основе **onja*, которая, в свою очередь, восходит к латинскому *animus* “дух – дышать” (Rejzek 2001, с.766).

Более точная реконструкция этого слова дана в словаре М. Сноя, где праславянская форма реконструируется как **von'ь*, а праиндоевропейская форма – как производная от основы **h₂anh₁-* со значением “дышать” [Snoj, online]. То есть и латинский вариант слова, и праславянский имеют общего предка, поэтому было бы некорректно утверждать, что одно произошло из другого.

Итак, источники фиксируют, что первоначальное значение праславянской основы было нейтральным – “запах”, подтверждением являются однокоренные слова в русском языке (пришедшие в современный русский литературный язык из

церковнославянского): благовѣние, зловѣние. Это двусоставные слова с единым корнем – *вонь* “запах” и дополнительными корнями слов *зло* и *благо*, которые придают слову противоположные значения. То есть нейтральное значение слова будто требовало дополнительной семантики. Потому в процессе распространения слова в близкородственных славянских языках наблюдается закрепление различных, даже противоположных значений. Попробуем проследить генезис расхождения значений. Так, в современном русском языке слово *вонять* не только трактуется как “издавать отвратительный запах, зловоние”, но и маркируется как разговорное слово, то есть вытесненное за пределы литературной нормы [Ожегов, онлайн]. Тогда как в других славянских языках, таких как польский, чешский, слово *voněti* наполняется положительной семантикой и закрепляется как самостоятельное слово (без приставок благо-) как “приятный аромат”. В данном случае мы опять наблюдаем расхождение из нейтрального исходного значения.

Таким образом, можно сделать вывод, что исконное нейтральное значение праславянского слова **vonь* не закрепляется ни в русском языке, ни в чешском языках. Мы пронаблюдали расхождение значений в родственных языках до противоположных семантических полюсов. В данном случае наполнение исконного значения разнополярной семантикой является примером синхронной межъязыковой энантиосемии, проявляющейся в семантической специализации.

2.5. *Zapomínat* (чеш.) – забывать / запоминать (рус.)

Й. Рейзек утверждает, что слово *zapomínat* образовано от *-pomínat* “помнить”, при помощи приставок: *zapomínat*, *vzpomínat* (забыть, вспомнить, напомнить, увещевать, напомнить) – от праславянского **rominati* – вспоминать (Rejzek 2001, с.510). В данном случае мы наблюдаем, что на основе корня “помнить, удерживать в памяти” образуется словообразовательное гнездо: приставочным способом образуются слова, отражающие разные состояния работы памяти: вспоминать, напоминать, и запоминать. Слово *zapomínat* образовано с помощью приставки *za* со значением преодоления предела, выхода за границы. В таком случае получается, что *zapomínat* – оставить “за пределами памяти”, то есть действительно забыть, не помнить. В русском языке есть близкое по звучанию и значению слово *запомнить* – то есть забыть, отправить объект мысли за пределы памяти. Однако это слово в современном русском языке маркируется как разговорное, устаревшее, активно не используется, но помогает проследить генезис родственных межъязыковых связей. В чешском также есть аналог такого слова *pamatovat* с противоположным значением “помнить”. Закрепление значений в чешском языке

кажется вполне понятным и логичным. Проследим формирование значения слова *запомнить* в русском языке, чтобы обнаружить путь расхождения семантики. Слово *запоминать*, *запомнить* образовано также приставочным способом от глагола *помнить*.

Н. М. Шанский делает следующее предположение о происхождении слова *помнить*: оно происходит от общеславянского глагола *мьнити* “помнить, думать”, которое восходит к латинскому значению *mens* “ум, рассудок”. В целом глагол имеет индоевропейскую природу (ср. в древнеиндийском слово *manas* “ум”, *mánuatē* “думает, помнит”). Отсюда в латышском *minēt* “вспоминать”, в русском – *мнение*, *мнительный*. [Шанский; онлайн].

Более точная реконструкция предлагается М. Сноом: праславянская форма **romьněti* образована приставочным способом от **mьněti*, что, в свою очередь, происходит от праиндоевропейского корня **men-* со значением “мыслить”, то есть латинское значение слова *mens* просто родственно праславянскому **mьněti*, а не является его источником.

Как мы видим, и русские, и чешские источники указывают на единое происхождение слов *zaromínat* и *запоминать*, потому наличие межъязыковых омонимов представляется вполне объяснимым, однако, значения этих слов кардинально разошлись в русском и чешском языках. Попробуем разобраться в логике формирования значения в русском языке.

Вероятно, в русском языке основной акцент значения слова *мнить* – от общеславянского **мьнити* “помнить, думать” ставится не на процесс памяти, а на процесс мышления, то есть *помнить* – значит *думать*. Отсюда такие производные как – *мнить* (много мнить о себе – то есть иметь о себе высокое мнение), *мнение* – суждение, умозаключение [Ожегов; онлайн]. То есть, в первую очередь, глагол *мнить* стал закрепляться в русском языке как глагол, отражающий умственную деятельность – способность думать. Однако подобное производное есть и в чешском языке – *míněni* со значением “мнение, предположение, умозаключение” и *mínit* со значениями “думать, полагать, замышлять, иметь в виду”.

Скорее всего, в данном случае ключевое значение при расхождении семантики *запоминать* и *zaromínat* имеет приставка: в русском языке значение приставки *за-* в данном слове имеет значение завершения действия (ср.: *записать*, *закрыть*, *заучить*, *запомнить*), тогда как в чешском, вероятно, – значение выхода за некий предел.

Итак, в данном случае мы также наблюдаем явление синхронной межъязыковой энантиосемии, где расхождение значений происходит на основании различий в трактовке морфемы – приставки, которая в русском и чешском языках может иметь различные значения, существенно изменяя значение исходного корня.

2.6. *Jed* (чеш.) “яд” / *Еда* (рус.)

Слова *яд* и *еда* отличаются совсем незначительно в написании и звучании, однако, имеют противоположное значение. Еда – буквально – поддерживает жизнь, дает силы, *яд* – отнимает жизнь, убивает.

Обращаясь к этимологии этих слов, можно заметить, что почти все этимологические словари указывают на родственность этих слов.

Еда – слово общеславянское от глагола **edti* (есть), как указывает Н.Шанский, оно встречается во многих памятниках письменности, начиная с X века. Слово распространяется в исходном значении в близкородственных языках. Аналогом этого слова в украинском языке является слово *іда*, в белорусском – *еда*, болгарском – *яда*, в чешском – *jídlo* [Шанский; онлайн].

Слово *еда*, по мнению Й. Рейзека, является производным от праславянского глагола **ědti* – “есть”, постепенно звукосочетание *dt* изменилось в *st*, так в общеславянском языке слово приобрело форму *esti*. Отсюда древнерусский глагол *ясти*, а также существительное *яства*, в чешском языке – глагол *jíst* – “есть” (Rejzek 2001, с.253).

Если мы рассмотрим происхождение слова *яд*, то обнаружим, что почти все исследователи возводят его к тому же праславянскому корню. М. Фасмер отмечает, что слово *яд* происходит от праславянского **ědu-*, он сближает это слово с индоевропейским корнем **ed-* (едá, ем) чему в литовском языке соответствует *ėdis* “еда, пища”, в древнерусском языке – *ядь, ѣдь* “яд”, в древнечешском – *jěd* “яд”, в словацком – *jed*, в польск. *jad* “яд животных и растений” [Фасмер; онлайн].

Здесь стоит отметить, что называть глагол *ясти* и существительное *яства* (как и *яд*) древнерусскими не вполне корректно, поскольку древнерусскими по происхождению вариантами являются формы с *-e-* в корне, тогда как варианты с *-a-* имеют старославянское происхождение, на что указывается, например, в [Snoj, online]. Там же предполагается происхождение праславянского слова **ědъ* от глагола **ěsti* (наст. время ед. ч. 1 лица – **ě(d)ть*), что далее возводится к праиндоевропейскому корню **h₁ed-* с первоначальным значением “есть, грызть”.

Источники указывают, что значение “яд, отравы” является вторичным и развилось из буквального “то, что едят, принимают в качестве пищи” [Фасмер;

онлайн]. Г. А. Крылов предполагает, что изменение значения слова *яд* от исконного “пища” в “плохая, дурная пища”, потом – в “отравленная пища” и, наконец, – в “отрава” могло произойти под воздействием эмоциональной окраски речи [Крылов, онлайн].

Стоит отметить, что в южнославянских языках (болгарском, словенском, хорватском) слово *яд* приобретает еще один смысловой пласт, то есть имеет совсем другое, производное от вторичного “отрава” значение, в частности, “гнев”, “злоба”, “жалость”, “страдание” [Фасмер; онлайн]. М. Сной для словенского слова *jad* предполагает праславянскую реконструкцию **ědъ* или **jadъ*, что могло бы происходить из праиндоевропейской основы **h₁ēdo-* от корня **h₁ed-* “есть” [Snoj, online]; о связи слова *яд* со словами *еда*, *есть* говорят и М. Фасмер и Г. А. Крылов.

Таким образом, можно восстановить семантическую цепочку слов *еда* – *яства* – *яд*. Исконное значение глагола праславянской основы **ědti* “есть” быстро распространяется в ближайшем ареале близкородственных языков, поскольку является универсальным, обозначающим базовые потребности. Однако очень быстро это значение оказалось дискредитированным, поскольку еда часто могла быть источником отравления, то есть ядом [Успенский; онлайн]. Так в родственных языках могло распространиться вторичное значение этого распространенного слова, а в некоторых языках и вовсе стало подменяться на вторичное значение. Такой случай мы наблюдаем в чешском языке, где *jed* – не любое ядовитое вещество, но именно “отравленная еда”.

Филолог М. Блажнова предполагает, что обозначение яда словом, изначально обозначавшим еду, может быть результатом замены табуированного слова, обозначавшего отраву, на эвфемизм, обозначавший пищу. В качестве примера подобной замены автор приводит французское слово *poison* “яд”, произошедшее от латинского *poīō*, обозначавшего изначально просто “напиток” [Блажнова, online], а впоследствии получившего и значение “зелье”.

Итак, можно сделать вывод, что в данном случае мы наблюдаем явление диахронической межъязыковой энантиосемии, причиной которой становится распад исконного “нейтрального основного значения” – *vox media* на различные семантические уровни, в связи с усложнением исконной семантики. Распад значений сопровождается незначительным изменением внешней формы слова в разных языках *Jed* (чеш.) “яд” / *еда* “пища” (рус.).

Однако М. Сной видит еще одну возможность реконструкции для праславянского **ědъ* или **jadъ*, связывая это слово с древневерхненемецким *eiz* в

значении “отёк”, которое возводит к праиндоевропейскому *h₂aid- со значением “отець” (в качестве параллелей автор приводит армянское *aytnowm* и греческое *oidánō* со значением “отець, распухнуть”), а для семантического отношения *отёк / яд* М. Сной приводит параллель: старославянское *strupь* со значениями “рана, короста, грыжа, болезнь” и словенское *strup* в значении “яд” [Snoj, online]. Можно добавить, что русский язык унаследовал слово *струп* из старославянского со значением “короста, корочка на ране, язве”. Струп предполагает наличие гноя, который имеет с ядом некоторые общие семы: вредное вещество, которое может сочиться из тела (гной – из тела человека, яд – из растения, животного). В этом случае связь слова *яд* с глаголом *есть* не подтверждается.

2.7. *Bezceňný* “ничего не стоящий, бесполезный” (чеш.) / *Бесценный* (рус.)

Слово *бесценный* образовано от слова *ценный*, а оно, в свою очередь, от слова *цена*. Проследим генезис семы “цена”, опираясь на сведения этимологического словаря М. Фасмера.

Цена́, по сообщению М. Фасмера, – слово общеславянское, восходящее к праславянскому *сѣна* (из праиндоевропейского *kaina) [Фасмер, онлайн]. М. Фасмер, Н. Шанский и другие источники возводят происхождение слова к авестийскому корню *kaēnā* “возмездие, наказание”, далее в литовском языке фиксируется схожее – *kainà* “цена” производное (ср. мена) от той же основы, что *каяться*. *Цена* буквально – “возмездие”, затем “штраф” и “цена” [Фасмер, онлайн]. Словарь Г. А. Крылова фиксирует появление слова *цена* в славянских языках около X–XI вв. В древнерусском языке уже отмечалось первичное и вторичное значения: под ценой понимали “стоимость какого-либо товара в денежных единицах” или “важность, значимость чего-либо”. В родственных языках примерно в это же время фиксируется это слово: в украинском – *ціна*, в польском, чешском – *цена*.

Анализируя пару межъязыковых омонимов, можно сделать наблюдение, что в обоих языках в современном их состоянии сохраняется и исходная семантическая основа с одинаковым значением: *цена* (рус.) – стоимость, *цена* (чеш.) – стоимость. Однако образовавшиеся производные от этих корневых сем оказались прямо противоположными по значению. В чешском языке слово *bezceňný* образовано приставочным способом от *ceňný*, что, в свою очередь образовано от *цена* (как и в русском языке), семантика же нового слова тоже складывается в прямом смысле из значения приставки *bez-* (отсутствие) и значения корня *цена* – стоимость, значимость. В результате получаем прямое значение – “незначимый, ничего не стоящий, бесполезный”, то есть буквально “без цены, без значимости”. Это слово

используется в чешском языке, применительно к разным явлениям, отражая в каждом случае семантику “незначимости, бесполезности”. Например: “Byla krytá pozemku, ale teď to vypadá, že byly **bezenné**” – Он был дан под залог земли, но теперь, похоже, земля вообще ничего не стоит. “Řekla mi, že jsem **bezenná** existence” – Она сказала мне: “Ты – бессмысленное создание!” [Glosbe, онлайн].

Таким образом, можно сделать вывод, что данное производное значение закрепилось в чешском языке и используется как в прямом (относительно цены, стоимости товара), так и в переносном смысле – может быть использовано относительно человека или явления, в качестве оценочного высказывания.

В русском языке слово *бесценный* образуется таким же способом. Прямое значение производного слова – “низкой, ничтожной стоимости” – тоже существовало изначально в русском языке, это значение фиксирует, например, один из авторитетных толковых словарей русского языка – словарь В. Даля. “Бесценный – что ниже всякой цены: малоценный, дешевый. Это ныне товар бесценный, он ничего не стоит. Бесценок, качество бесценного, в значении ничтожного, ничего не стоящего” (Даль, онлайн). Однако первичным значением в словаре указывается иное значение – переносное, которое для русского языка более значимо, так как прямое значение полностью вытеснено как неупотребительное. Ср: “Бесценный – чему нет цены; что выше всякой цены: неоцененный, неоплатный, драгоценный, дорогой, милый, любимый, несравненный. Ты мой бесценный друг” [Даль, онлайн].

Таким образом, мы можем заметить, что в русском языке происходит переосмысление семантики изначального, прямого значения слова, и в современном русском языке слово *бесценный* имеет метафоричное, образное значение. Можно предположить, что изначально оно возникает в художественной литературе, например: “Мой первый друг, мой друг бесценный!” (А. С. Пушкин), а затем становится частью общего корпуса языка.

Произведя сравнительный этимолого-генетический анализ данной пары омонимов, можно сделать вывод, что, чешский язык закрепляет буквальные, более однозначные значения, стремясь к ясности и внятности высказывания. Возможно, это может говорить о некоторой открытости и прямолинейности, свойственной носителям языка. Для русского же языка характерна метафоричность, образность, что может свидетельствовать о более позднем закреплении значения, скорее всего уже на этапе формирования художественной литературы. Наличие переносных значений свидетельствует о развитии языка.

Итак, в практической части мы произвели этимолого-генетический анализ семи выбранных пар межъязыковых омонимов, попытались проследить не только пути семантического расхождения значений, но и объяснить причины закрепления определенных значений в разных языках.

Мы обнаружили проявления различных видов межъязыковой энантиосемии (синхронной, диахронической), увидели, что закрепления тех или иных значений в разных языках являются результатом различного осмысления семантики какого-либо явления с учетом особого историко-культурного опыта народа, а также с процессами развития самого языка. Так частотными оказались случаи энантиосемии, основанной на семантической специализации, то есть на закреплении в языке одного из пластов семантического поля нейтрального значения праосновы.

Заключение

В ходе нашего исследования мы опирались на теоретическую базу лексикологии, этимологии, сравнительного языкознания, поэтому значимыми для нашей работы стали такие понятия как антонимия, полисемия, омонимия, межъязыковая энантиосемия. В процессе работы мы опирались труды лингвистов, таких как Й. Влчек, Р. Вечерка, И. Ржига, М. Ю. Бродский, М. Фасмер, Н. М. Шанский, В. И. Даль, и многих других, используя предложенные учеными исследовательские подходы: этимолого-генетический анализ, метод транспозиции и метод семантических параллелей, теорию семантических полей, мы произвели многоаспектный анализ семи выбранных пар межъязыковых русско-чешских омонимов:

Čerstvý [черствы] – свежий / *Черствый*;

Ovoce [овоце] – фрукты / *Овоци*;

Úžasný [ужасны] – прекрасный / *Ужасный*;

Vonět [воньет] – вкусно пахнуть / *Вонять*;

Zapomínat [запоминат] – забыть / *Запоминать*;

Jed [ед] – яд / *Еда*;

Bezcený – ничего не стоящий / *Бесценный*.

Мы ставили цель выявить причины семантического расхождения этих слов, изучение специфики закрепления антонимичных значений в разных языках.

В ходе анализа мы рассматривали пути становления значений каждого слова, пытались выявить причины возникновения межъязыковой энантиосемии или хотя

бы предположить их. В процессе исследования мы пришли к выводу, что явление межъязыковой энантиосемии является неотъемлемым элементом при формировании близкородственных языков. Родственные языки часто заимствуют общее исходное значение, поскольку ареал формирования языков пересекаются. Исследователи В. И. Шерцль, К. Абель, Л. А. Булаховский и др. определяют причину возникновения противоположных значений одного слова в неопределенности (нейтрального) содержания древних корней. Действительно, наш анализ показал, что часто исконные значения древних корней имеют максимально широкое значение. Например, объемно можно было трактовать праславянский корень: **ovošть* – “то, что растет, плод, процесс выращивания” (Рейзек 2001). Такие широкие семантические границы исходной праосновы дают возможность адаптации и конкретизации этой корневой базы в зависимости от историко-культурного контекста развития значения. Метод семантических параллелей позволяет проследить пути расхождения значений и очертить семантическое поле изосемантических рядов: **ovošть* – “то, что растет, плод”, в чешском *ovoce* (фрукты), в польском – *owoc* (фрукты), в русском – *овоци*.

Также причиной энантиосемии могут быть расхождения в трактовке древних корней. Показательна в данном случае реконструкция слова *Čerstvý* [черствы] – свежий / *Черствый*. Различные этимологические источники указывали разное толкование исходной основы: **kert* со значением “бить, ударять” [Шанский; онлайн] и **ker(H)t-* со значением “вить, плести” [Сной; онлайн]. В таком случае формирования противоположных значений можно объяснить тем, что в различных ветвях славянских языков происходит расхождение трактовки исконного корня **kert*, что порождает развитие энантиосемии.

Еще одной причиной энантиосемии может служить распадение исконного нейтрального значения, что влечет за собой формирование самостоятельной семантики лексемы в каждом языке. Такой случай демонстрирует пара омонимов *vonět/ вонять*, которая восходит к праславянской основе **von'ь* со значением “запах, благовоние”. Это слово распространяется в славянских языках, формируя семантическое поле, отражающее распад исконного значения: в древнерусском языке слово *воняти* имело нейтральное значение “пахнуть”. Далее слово закрепляется в ряде языков: словенском языке *vonjati*, в чешском – *voněti* “пахнуть, благоухать”, в русском – *вонять* “издавать дурной запах” [Фасмер; онлайн].

Как показало наше исследование, изосемантические ряды в процессе развития смысловых контекстов слова могут формировать даже отдельные

морфемы, например, приставки. Так в случае энантиосемичной пары *Zapomínat* [запомянуть] – забыть / *Zapomínat* причиной формирования разнополярной семантики, как показал наш анализ, являются разные значения приставок.

Также стоит отметить случаи семантических сдвигов в сторону метафорического преобразования исходного значения. Такой пример мы наблюдали в случае формирования энантиосемичной пары *Bezcnenný* – ничего не стоящий / *Бесценный*. Наш анализ реконструкции значений показал, что в чешском языке сохраняется прямое значение слова *bezcnenný* – “ничего не стоящий”, а в современном русском языке слово *бесценный* имеет метафоричное, образное значение – “драгоценный, не имеющий цены”, что нашло отражение в художественной литературе, а затем вошло в основной корпус языка.

Итак, как показал наш анализ, исследование процессов энантиосемии высвечивает логику формирования семантических коннотаций в близкородственных языках, а значит, помогает понять процесс становления языка в целом.

Список литературы

- Ivašina, N., Rudenka, A., 2006: Ivašina, N.— Rudenka, A.: Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2006.
- Kopečny, F. Zaklaní všeslovanská slovní zásoba / F. Kopečny. – Praha: Academia, 1981. — 284 s.
- Rejzek, J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001.
- Rix, Helmut. Lexikon der indogermanischen Verben (LIV) WIESBADEN, 2001. — 356, 559-560 s.
- Večerka, Radoslav a kolektiv. *Uvedení do etymologie*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006. 355 s. ISBN 80-7106-858-6.
- Vlček, J. Uskali ruske slovní zásoby. Slovník rusko-česke homonymie a paronymie. Praha: Svet sovetu, 1966. – 232 s.
- Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика / В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1969. – 384 с.
- Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1996.
- Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
- Бессонова, Л. Е. Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1983.
- Бродский, М. Ю. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков): Дис....канд.филол.наук. Екатеринбург, 1998. – 196 с.
- Будагов, Р. А. Введение в науку о языке: Учебное пособие. – М.: Добросвет-2000, 2003. – 544 с.
- Булаховский, Л. А. Энантиосемия. Развитие противоположных значений // Русская речь, 1988. № 2. – 68-70 с.
- Васильев, Л. М. Лексическая семантика. М., 2012.
- Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 2006.
- Гуревич, Т. Межъязыковая омонимия, паронимия (на примере английского языка). Ложные друзья переводчиков [Текст] / Т. Гуревич. – М. : Журнал “Знание. Понимание. Умение”, 2007. д-ра филологии, 2010. – 169 с.
- Дубичинский, В. В. Межъязыковые лексические омонимы. Харьков, 1993. – 258 с.

- Игнатъева, Н. Д. Лексикографические проблемы русско-чешской интерференции// Вопросы лексикографии, 2016, № 2. – 22-26 с.
- Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1996.
- Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.
- Лобковская, Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина “ложные друзья переводчика”) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. – 79-87 с.
- Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М., 1982.
- Покровский И. Н. О некоторых энантиосемичных параллелях в английском и русском языках // Куйбышев: Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1980. Т.240. — 58-60 с.
- Прохорова, В. Н. Энантиосемия в современном русском языке (о причинах и условиях возникновения и функционирования слов с противоположными значениями) // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. М.: МГУ, 1976. — 157-165 с.
- Ржига, И. Кульчицкий, А. Карманный словарь чешско-русский. Прага, 1924. – 512 с.
- Розенталь, Д. Э. Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2005.
- Смирнова, О. И. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. — 211 с.
- Супрун, А. Е. Ответ на вопрос: каковы типы лексических омонимов в системе славянских языков (общее для всех славянских языков, индивидуальное) / А. Е. Супрун // Сб. ответов на вопросы по языкознанию: к IV международному съезду славистов. – М., 1958. — 35 с.
- Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. Москва: “Прогресс”, 1986. Тома I–IV.
- Шерцль, В. И. О словахъ съ противоположными значеніями (или о такъ называемой энантиосеміи) // Филол. записки. Вып. V-VI. Воронеж, 1883. — 1-39 с.
- Этимологический словарь русского языка / Под ред. А. Ф. Журавлёва и Н. М. Шанского. — Москва: Издательство Московского университета, 1999-2007. — Т. 9-10.

Яцковская, Г.В. Энантисемия в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. — 185 с.

Электронные источники

Glosbe. Самый большой онлайн словарь. [online], URL: <https://ru.glosbe.com/cs/ru/bezcenn>

Cesko-ruske interference, 2015. [online], URL: <http://interference.ajoda.eu/o-projektu>

Блажнова, М. Как появилось слово “яд” // Аргументы и факты, 2014. [online], URL: <https://spb.aif.ru/dontknows/1150941>

Snoj. M. Slovenski etimološki slovar. [online], URL: <https://fran.si/>

Варбот, Ж. Ж. Этимология. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. [online], URL: <http://tapemark.narod.ru/les/596a.html>

Даль, В. И. Толковый словарь. [online], URL: <https://lexicography.online/explanatory>

Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. [online], URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/>

Лингвистический энциклопедический словарь. [online], URL: <http://tapemark.narod.ru/les/596a.html>

Сборник статей по этимологии русской и славянской Ж. Ж. Варбот. [online], URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18942399&>.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) [online], URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov>

Успенский, Л. В. Этимологический онлайн-словарь [online], URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/>

Черноситова, Т. Л. “Ложные друзья переводчика” как феномен межъязыковой асимметрии. Россия: Южный федеральный университет, 2012. [online], URL: http://www.rusnauka.com/28_NII_2012/Philologia/6_117780.doc.htm

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера, 2021. [online], URL: lexicography.online/etymology/vasmer

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубочева, О. Н. Москва, 1974. [online], URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja>

Янбеков, М. Веселый чешско-русский словарь, 215. [online], URL: <https://storyfox.ru/post/samye-smeshnye-slova-iz-cheshskogo-yazyk-gde-vse-naoborot/>

Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М., . [online], URL:
<https://lexicography.online/etymology/shansky/>